

Душным летним вечером на улицах Уфы стихийно образовались многокилометровые пробки. Горожане, обессиленные долгой рабочей неделей, спешили выехать на природу за глотком свежего воздуха, скинуть тесную обувь и пройтись босиком по росистой траве; наполниться теплой и живой энергией земли, подышать полной грудью ароматом лугов и полей и собрать щедрыми пригоршнями лесную землянику. Ведь только в деревне, никогда не знавшей удушающих объятий асфальта, ощущаешь себя частичкой Вселенной, чувствуешь единство с миром и находишь гармонию в самом себе. Вскинь глаза к вечному небу, усыпанному крупными яркими звездами, и вспомни, человек, что ты, хоть и желанный, но все же гость в этом щедром мире, и не гневи Вселенную, примеряя на себя роль Бога...

Как и всегда по пятницам, в городе царил необычайное оживление: был самый разгар свадеб, и Уфу заполнили длинные свадебные кортежи. Роскошные белые лимузины, украшенные цветами и лентами, разъезжали по извечному маршруту от ЗАГСов до излюбленных горожанами парков и далее «по ресторанам, по ресторанам», развозя веселых и нарядных людей. Разморенные от духоты и спиртного гости постепенно теряли «товарный вид», у прекрасных дам подтекала косметика, а неутомимый фотограф, фонтанируя идеями, бодро щелкал огромным фотоаппаратом. То и дело раздавались крики «Горько!», там и тут вылетали пробки от шампанского, и испуганно рыдал в коляске чей-то ребенок...

— Фарит! Фарит, говорю! Хватит, посмотрели — и будет с нас. Поедем домой! Ой, стыдоба какая! — Раиля, крепкая немолодая женщина в цветастом платке, решительно потянула за рукав мужа, уткнувшегося в бинокль.

— Да ты что, женщина, в уме ли? — Тщедушный Фарит оглянулся на жену. Все в его облике — от кончиков сердито подрагивающих черных усов до в нетерпении притоптывающих ног в коричневых потертых ботинках — все выражало упрямство и негодование. — Никуда мы не уедем, пока лично не поздравим, понятно? Не для того мы столько времени тут просидели.

Раиля, как истинная восточная женщина, виновато потупилась и замолчала, но вид ее выражал крайнюю усталость и неверие в успех задуманного мероприятия.

— Вот посмотри, уже начинают собираться у машин. Это значит, что гулянки закончены и сейчас они поедут в кафе. А мы тихонечко за ними тронемся и устроим сюрприз. То-то они обрадуются! — Фарит в радостном предвкушении потер руки и улыбнулся себе в усы, не замечая недоверчивого покашливания жены.

Раилю можно было понять: ее горячо любимый муж, которого она яро под-
держивала во всех жизненных трудностях и неурядицах, вдруг вознамерился
присутствовать на свадьбе племянницы — единственной дочери старшего брата.
Похвальное желание, да только вот на свадьбу эту младшего брата и его супругу —
обычных деревенских жителей — позвать «забыли». Поговаривали, что Гузель вы-
ходит за очень богатого и успешного человека, и свадьба будет играть на высшем
уровне. «С лимузином, оркестром и рестораном. А платье у невесты за 100 тысяч
купили, говорят», — рассказывала с круглыми глазами Фариту Райля, помогавшая
собирать приданое для невесты. На вопрос мужа: «Что же ты, про платье да про
платье, к какому часу собираться-то велели?» — Раиля долго не решаясь ответить,
мялась и наконец заплакала.

— Не позвали нас, Фарит! — сказала она упавшим голосом. — Не считают нас
за людей, достойных чести сесть за один стол с богачами. Стыдятся нас, наверное!

Поначалу Фарит посчитал, что жена его разыгрывает, но после того как она уни-
женно разрыдалась, наконец поверил. Странно, что, зная своего старшего брата,
он никак не мог предположить, что тот не пригласит его на свадьбу племянницы,
которую он считал родной дочерью и любил даже больше, чем своих сыновей.

Все пятничное утро он не отходил от окна, ожидая, что кто-нибудь прибежит
и сообщит время празднования, но тщетно — кованые черные ворота в доме на-
против не открывались, а в высоком кирпичном доме вовсю шли приготовления.
Когда белый мерседес с невестой, сверкнув шинами, выехал из ворот и медленно
покатил по главной дороге, Фарит вдруг встрепенулся и велел жене собирать-
ся. «Просто они в суматохе забыли о нас. Предполагается, что мы сами поедем
за ними, понимаешь? Какие могут быть приглашения для родного брата», — объ-
яснял он остолбеневшей Раиле.

Конечно, она знала добрый и миролюбивый нрав мужа, но еще лучше она знала
то, что им будут не рады на торжестве, и попыталась отговорить мужа от зряш-
ной затеи. Куда там! Фарит торопил ее, боясь упустить кортеж из виду. Раздо-
садованная, Раиля села в машину, твердо решив быть с мужем и разделить при
необходимости его горькие минуты одиночества. Так и доехали они до города,
«повиснув» на хвосте впереди идущей свадебной машины.

В Уфе кортеж пополнился десятком других автомобилей с гостями. Фарит не-
отступно следовал за ними, выжидая удобного случая для поздравления и все
не решаясь подойти к счастливым молодоженам. Никто из гостей не замечал
в потоке нарядных машин притулившийся красный москвич, верно следующий
за ними повсюду на почтительном отдалении.

Раиля, тщетно пытавшаяся убедить мужа вернуться домой, наконец махнула
рукой и равнодушно устала в окно, погружившись в свои грустные мысли.
Вспоминала детство маленькой Гузель. Фарит — отец троих сыновей, за неиме-
нием дочери, считал ее родной и души в ней не чаял. Всегда дарил подарки,
на каникулах возил в цирк и в кино в город или в районный центр. Отец Гузель —
его родной старший брат — был в их деревне муллой и частенько отсутствовал
дома: его приглашали в близлежащие деревни по любому поводу, требующему
присутствия муллы, будь то свадьба, похороны или мусульманские праздники.
Односельчане уважали его: Рифат был глубоко верующим мусульманином: совер-
шал пятикратный намаз, раздавал милостыню, не имел вредных привычек. Дом
его, стоящий напротив бревенчатой избы Фарита, отличался от всех остальных
в селе — был выше всех домишек и имел красивую черепичную крышу яркого
красного цвета. Фарит, почтительно относившийся к призванию брата, с любовью
и вниманием слушал его певучий голос, доносившийся по праздникам с минарета

маленькой деревенской мечети. Немного стесняясь своего порыва, он складывал ладони лодочкой и проводил ими привычным для мусульманина жестом от лба до подбородка, трепетно повторяя: «Аминь, аминь». Рифат и его склонял к чтению Корана, но Фарит, слегка смущаясь, отнекивался и ссылаясь на свою загруженность — он был единственным электриком в селе. Признаться, он не мог считать себя правоверным мусульманином. К сожалению, Фарит частенько крепко закладывал за воротник, что, впрочем, совсем не мешало ему быть хорошим работником, безукоризненно выполняющим свою работу, а также прекрасным мужем и отцом. Его Раиля считала себя вполне счастливой женщиной. Да и многие ли женщины, прожившие в браке почти четверть века, могут похвастаться тем, что супруг до сих пор приносит им свежие цветы — просто так, без повода; ласково называет «ласточкой» и не разрешает поднимать тяжести. Многие могли позавидовать ей. Она не жаловалась на пьянки мужа: кормила его, еле державшегося на ногах, сытным ужином и укладывала спать, а на следующий день не поминала вчерашнего. Наверное, это и есть любовь? Зато Рифат не желал мириться с «выходками» брата и костерил его почем зря.

— А что, кто-то умер? Все живы и здоровы, это главное! — говорил испуганно Фарит наутро брату, пришедшему навестить его. Рифат, сердито трясая седой бородой, раздражался на полчаса гневной тирадой о величии духа и о Шайтане, сбивающем человека с пути праведного. Фарит, по-детски подперев щеку ладошкой, грустно слушал высокие речи и кивал головой в знак согласия.

— Ничего не могу с собой поделаться. Видно, слаб я духом, брат! — говорил он виновато. На следующий день, исполненный раскаяния, он стремился сделать как можно больше добрых и полезных дел: привозил одинокой старушке-соседке дровишек для бани. Учил сыновей водить или плотничать, помогал Раиле с хозяйством и скотиной. Его хватало самое большее на месяц, и все повторялось вновь. Выпивая, он практически терял человеческий облик. В конце концов Рифат махнул на него рукой, сказав: «Горбатого могила исправит». Может быть, беспокоясь о здоровье брата, и не позвал его на свадьбу дочери?

Кавалькада роскошных машин, торжественно сигналив, проехала по центральной улице Уфы и покатила к самому лучшему и помпезному ресторану столицы. В суете и суматохе никто не заметил, что за белой Тойотой притулился неприметный старенький москвич, неотступно следующий за свадебным караваном, словно затесавшаяся в лебединый ряд курица.

Публика, разряженная в пух и прах, благоухала французскими духами и дорогими сигаретами. Раиля оказалась права, тут собрались все сливки общества, слегка подкисшие к вечеру от нестерпимой духоты. Фарит отыскал глазами в толпе Гузель и ее жениха и в очередной раз залюбовался. В закрытом белом платье с кружевами и жемчугом, с белым платком на голове, она выглядела изумительно. Жених казался старше своих лет из-за строгого черного костюма и жидкой бороденки. Стуча каблуками по мраморной лестнице, гости проследовали вслед за молодоженами в ресторан, откуда сейчас же зазвучала живая музыка. Фарит, сжимая в руках бинокль, остался сидеть в машине. В его глазах отражались невеселые мысли. Как воспримут его неожиданное появление на празднике? Незванный гость, как известно, хуже татарина... Может, действительно, развернуться и уехать? Но желание поздравить племянницу пересилило.

— Я здесь подожду, пока ты не придешь, — Раиля вышла из машины, мысленно добавив про себя: «А придешь ты очень быстро».

— Я уверен, они попросят нас войти и остаться. Я скоро приду за тобой! — с этими словами Фарит уверенно зашагал к ресторану.

На углу ему попался цветочный магазин, где он купил огромный букет белоснежных хризантем. Фарит любил эти цветы за их робкую красоту, ненавязчивый аромат, поэтому частенько дарил их жене. «Долго простои, радуя глаз», — подумал он, нащупав в кармане основной подарок — конверт с солидной даже по столичным меркам суммой. Эти деньги он откладывал долго и кропотливо, собирая на свою заветную мечту — новенький автомобиль. Половину нужной суммы получилось накопить — последние полгода Фарит, как хороший работник, получал повышенную зарплату. Старший сын Аскар, который уже обзавелся собственной семьей, часто помогал родителям деньгами, но у Фарита и Раили всегда находились траты понасущнее, чем автомобиль: то сапоги среднему сыну, то младший просит записать его в спортивную платную секцию... Но свадьба Гузель стоила того, чтобы поступиться мечтой и щедро одарить племянницу. Фарит легко относился к деньгам. «Главное, все живы и здоровы, — думал он, — а на машину накоплю еще, была бы работа в руках.

С такими мыслями Фарит поднялся по широкой мраморной лестнице солидного столичного заведения и оглянулся назад, ища глазами жену. Она стояла поодаль, сложив лодочкой руки перед лицом и не отрываясь глядела на мужа. Фарит успокаивающе улыбнулся и помахал ей рукой. С тревогой в сердце подумал он о том, как она состарилась за последнее время, согнулась от забот, да и возраст давал о себе знать — ей перевалило за пятый десяток. «Да и сам я уже почти старик», — с невеселой усмешкой подумал Фарит. «Был когда-то я джигит, теперь тут болит и там болит», — улыбнулся он своей шутке и уже совсем собрался было войти, но дверь ему перегородил высокий крупный мужчина с непроницаемым лицом — очевидно, секьюрити.

— Вход только по приглашительным. Ресторан полностью арендован и сегодня не принимает посетителей! — сказал он бесцветным голосом, презрительно оглядев Фарита с головы до ног и моментально оценив стоимость и качество его одежды.

Фарит оторопело уставился на охранника — к такому повороту событий он был не готов. Взгляд узких карих глаз охранника выражал полное равнодушие к стоящему перед ним пожилому человеку с букетом. Под строгим костюмом перекачивались стальные мышцы.

— Послушай, апаем! — воззвал Фарит к горе мышц. — Я приехал сюда издалека поздравить с бракосочетанием дорогого мне человека. А приглашительный забыл дома! — малодушно соврал он. — Впусти меня.

— Вот что, дядя! Я тебе еще раз повторяю — вход только для избранных. Да здесь такие люди гуляют сегодня, тебе и не снилось... Все приглашенные уже вошли. А ты езжай туда, откуда приехал, — и давая понять, что разговор окончен, качок засунул руки в карманы и уставился вдаль.

— Вот ведь несговорчивый какой. Я только подарок отдам и уйду, дустым, не переживай! — Фарит миролюбиво собирался хлопнуть охранника по плечу и войти, но тот, внезапно поймав его руку, вывернул ее и нанес другой ручищей сокрушительный удар. Все произошло в считанные секунды. Фарит слетел с лестницы и растянулся на голом асфальте, еще горячем от дневного солнца. Облизал пересохшие вдруг губы и ощутил металлический привкус крови во рту. Дыхание перехватило, и целую минуту, показавшуюся бедняге вечностью, Фарит не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть от нахлынувшей боли. Сверху пикировал белоснежный букет.

— Шел бы ты отсюда, дядя! — послышалось сверху. — Здесь сегодня шишка столничная сына женит. И ему очень не понравится, что перед рестораном разлеzes какой-то алкаш.

Фарит медленно поднялся, взял истерзанный букет и побрел прочь, пытаясь остановить хлещущую кровь. Подбежавшая к нему Раиля напоминала разъяренную тигрицу, у которой забрали детенышей. Подойдя вплотную к охраннику, она замахнулась на него сумкой и, плюнув ему под ноги, закричала:

— Ах ты щенок, что же ты делаешь, кем ты себя возомнил? Ты не видишь разве, что перед тобой старик, он тебе в отцы годится. Видно, плохо тебе отец воспитывал, что ты... — она в испуге замолкла на полуслове, увидев блеснувший в вечерних сумерках пистолет.

— Угомонись, мамаша, я при исполнении. Пристрелю, и ничего мне за это не будет. Вали отсюда и болезного своего заberi.

Раиля, подхватив Фарита под руку, увела его подальше от злополучного ресторана и, посадив на скамейку, принялась осторожно осматривать его рану. Фарит молчал, но лицо его выражало негодование.

— Вот ведь зараза, откуда он взялся только на нашу голову. Ну ничего, небось в туалет отойдет или покурить, тут-то я и прошмыгну. Мне отсюда хорошо вход видно! — хорохорился он.

— Фарит, пока не опозорился окончательно, поедем домой, — начала увещевать Раиля. — Приедут же они когда-нибудь в гости к родным, там и поздравим. Вставай, поедем домой, я тебе нажарю беляшей, затопим баньку. Не к добру такое начало, ничего хорошего от этого вечера уже ждать не стоит...

Баню Фарит любил. По пятницам всегда собственноручно топил баню: носил колодезную воду, растапливал печь березовыми дровами, заваривал душистый березовый веничек — для себя, и маленький еловый — для жены, страдающей от частых простуд. Сам Фарит любил березовые листья — в сочетании с горячим паром они издавали неповторимый, с горькой кислинкой аромат.

Особенно Фарит любил париться долгими осенними ненастными днями: раздевался в холодном предбанничке, обшитом светлыми сосновыми дощечками, моментально покрывался гусиной кожей и в предвкушении удовольствия входил в распаренную, раскаленную докрасна баню, из дверей которой валил, смешиваясь с холодным уличным воздухом, густой белый пар. Взобравшись на полки и натянув до глаз старую войлочную шапку, Фарит кричал от удовольствия. Тело покрывалось крупными каплями пота, сердце учащенно билось, а невозмутимый хозяин, обдав раскаленные камни кипятком, начинал париться, слушая сердитое шипение каменки. Парился он долго и беспощадно и, уже совсем обессиленный, вываливался в предбанник, где долго пил густой и терпкий домашний квас. Баня возрождала его силы, и домой он шел, ощущая легкость во всем теле и невероятное успокоение. Где-то на полпути Фарит останавливался и боязливо оглядывался — не видит ли кто? Затем, убедившись, что вокруг ни души, воздавал глаза к небу, и, обратившись ко Всевышнему, благодарил его за близких, желал им и всем людям на земле здоровья и завершал разговор с Богом короткой молитвой, которой научила его еще в детстве покойная ныне мать. Затем, еще раз оглядевшись, шел в дом, где Раиля ждала его с горячим чаем. Сидя за пузатым самоваром и разговаривая обо всем на свете, они пили чашку за чашкой, ведь чай после бани, да еще и с мятой, и медом с собственной пасеки, удивительно хорош. Частенько он приглашал в баню и Рифата с женой Наилей, но они, недавно установившие в доме душевую кабинку, все чаще отказывались. Фарит с тоской вспоминал те дни, когда дети были еще маленькими и братья часто гостили друг у друга — каждый

со своей семьей. Он часто и подолгу катал на плечах маленькую Гузель, отгоняя от нее собственных мальчишек, — ему казалось, что в шуточной возне они ненадолго могут ее покалечить. Слезы этой маленькой девчушки трогали его мужское сердце. Он не мог видеть той искренней гримаски боли, которая появлялась на нежном личике. Стоило ей лишь неуверенно покачнуться на толстых ножках, как он бросал все свои дела и подхватывал ее на руки.

— Осторожнее вы, малайлар-калайлар! — кричал он, выхватывая из хохочущей кучи-малы едва начавшую ходить Гузель. — Давайте я лучше вас по очереди на спине покатаю, и-го-го-о!

Привозя из города подарки своим детям, Фарит никогда не забывал про племянницу: у нее самой первой из деревенских девочек появились пищашие куклы в ярких нарядах, книжки с глянцевыми картинками, игровая приставка, позднее — пейджер и золотые сережки. Как-то Фарит привез ей из райцентра белого пушистого котенка в плетеной корзиночке. Гузель хлопала в ладоши, смеялась от счастья и называла Фарита «самым лучшим и самым любимым дядей на свете». Вечером, заплаканная, она прибежала в дом дяди снова, держа в руках горемычного котенка.

— Папа ругался и сказал, что живые подарки надо согласовывать с родителями, и чтобы ноги его в нашем доме не было, тут везде дорогие ковры и хорошая мебель! — всхлипывала она, вытирая ладошкой слезы.

— Ну что ты, маленькая, не плачь. Что, кто-то умер? Все живы и здоровы, это самое главное! — выдал свою любимую фразу Фарит. — А папа твой, как всегда, прав. Надо было спросить у него про котенка. Ну да ладно, что теперь поделаешь, пусть живет у нас, не выгонять же малыша на улицу — на холод. А ты будешь приходить каждый день и играть с ним!

— Ур-р-ра, мой дядя — самый лучший! — воскликнула Гузель, обнимая дядю и преданно заглядывая ему в глаза. — А знаешь, почему папа рассердился? Он просто свои любимые туфли нашел слегка мокрыми! — заговорщически прошептала Гузель, и оба покатались со смеху.

Эти воспоминания слегка отогрели душу Фарита, пока он, потирая скулу, сидел на скамейке у ресторана. Боль слегка притупилась, но кровь продолжала идти — Фарит явственно ощущал во рту ее сладковатый привкус. Челюстью двигать было практически невозможно. Неужели придется обращаться к врачу? Больницы Фарит терпеть не мог, и за свою долгую жизнь был там всего лишь пару раз, если не брать в расчет обязательные ежегодные медосмотры. В последний раз был там лет 10–15 назад, когда отводил туда бесчувственную Гузель. Память услужливо развернула перед ним очередную картинку из прошлого.

В тот год зима выдалась суровой и очень снежной. Сугробы были такими высокими, что за некоторыми из них пропадали из виду невысокие деревенские домишки. Снег шел почти каждую ночь и с легкостью наметал за пару часов неподступные горы. С трудом открывая утром входную дверь, Фарит без устали работал лопатой, чтобы расчистить узенькие тропки — к сараю, к бане, к уборной. Забор почти сравнялся с землей, поэтому, чтобы выйти за ворота, следовало просто подняться по снежным ступенькам на высокий сугроб и спуститься таким же образом с другой стороны. Уборочная техника, призванная на помощь, не справлялась со снежными завалами — рабочих рук катастрофически не хватало: одни трактористы в деревнях спивались, другие — уходили на заслуженный отдых, а те, что остались, работали без устали в две смены, беспрестанно расчищая снег, но природа, словно насмехаясь над людьми, буквально за пару часов покрывала землю новым толстым слоем снежного покрывала.

Расчищая дорожку к бане и насвистывая про себя веселую песенку, Фарит вдруг увидел, как, тяжело перебирая ногами, к их дому торопится старшая невестка — Наиля. Из-под наспех накиннутой шубы трепещут полы цветастого халата, платок сбился набок, а валенки уже полны снега, но Наиля, кажется, этого даже не замечает. Грудь невестки высоко вздымается от непривычного бега. Она добежала до Фарита и почти упала ему в руки, пытаясь восстановить дыхание.

— Умирает! — проговорила она и горько залилась слезами.

— Кто умирает? — оторопел Фарит.

— Гузель! Температура не спадает!

Фарит знал, что его племяннице нездоровится, и каждый день навещал ее. За неделю до этого у Исянгуловых отелилась корова, и Гузель, обожавшая животных, поминутно выскакивала в прохладные сени посмотреть на новорожденного теленочка. На следующий день у нее поднялась температура, появился лающий кашель. Сказав: «Пусть отлежится и пропотеет», Наиля принялась лечить дочку примочками, компрессами и чаем с малиной.

— Сегодня утром дала таблетку жаропонижающего, она пропотела и уснула, — рассказывала сбивчиво Наиля, — Рифат успокоился и уехал читать никах — за ним прислали машину высокую, другая бы к нам не проехала. А она проснулась и стала бредить, температура уже почти 40, а руки и ноги ледяные, не могу отогреть... Что делать, что делать?

— Что, что... Самолечением не заниматься, вот что! — сердито ответил Фарит. Что же теперь делать? Рифата нет, от машины толку тоже нет — застрянет в каком-нибудь сугробе, до вечера не выберешься, а тянуть, видно, уже нельзя. Тут он вспомнил, что у старенькой Талиги-апай есть телефон — провела заботливая дочь, жившая в городе. Надо сейчас же позвонить и вызвать скорую помощь.

— Была я у Талиги-апай, — словно прочитав его мысли, сказала Наиля, — отключили, говорит, телефон, за неуплату. Нет в деревне больше связи. — А Рифат, как назло, будет ближе к вечеру. Фарит, не знаю, что и делать. Понесла бы ее в районную больницу, да не дойду, чувствую. — Наиля вновь беспомощно заплакала.

Не говоря ни слова, Фарит, бросив лопату на полурасчищенной дорожке, бросился к дому брата.

Гузель по цвету сравнялась с белой простыней. Температура немного спала, но ребенок был в полубессознательном состоянии.

— Кто это? — прошептала она одними губами, увидев дядю. Фарит понял, что даром времени терять нельзя. До районной больницы отсюда пешком 5 километров. Дойдет туда с ношей на руках часа за два. Здесь помощи ждать бессмысленно. Он велел потеплее укутать девочку и, призвав Аллаха на помощь, пустился в путь со своей полуживой ношей, забывшейся на воздухе горячечным, беспокойным сном.

Примерно километра два шагалось легко — поздним вечером здесь поработали трактористы. Но потом дорога пошла полем, стала ощущаться тяжесть уснувшей девочки, да еще давал о себе знать застарелый радикулит. Фарит оглянулся в поисках проезжавшей машины, но вокруг не было ни души. Повсюду, куда хватало глаз, простиралось только белое ровное поле. До боли закусив язык, Фарит упрямо двинулся вперед. Как посмотрит он в глаза брату, что скажет ему, если... От невысказанных горьких мыслей кружилась голова. Нет, он сам себе не простит, если... Медлить нельзя ни секунды. «Шагай же, переставляй ноги, дубина», — зло приказал он себе, вытаскивая ставшие пудовыми ноги из-под снега. Гузель периодически

проспалась, вскрикивала что-то невнятное, глядяваясь в лицо Фарита красными, воспаленными глазами и снова уходила в забытие. «Сейчас, миленькая, сейчас, — твердил ей Фарит. — Придем в больницу и нам обязательно помогут». «Помоги, — обращал он глаза к равнодушному небу. — Она ведь совсем ребенок. Будь милостив к ней».

Уже почти рядом с райцентром нагнала их повозка — мужичок из соседней деревеньки, наловив рыбы в проруби, вез ее продавать. Он и подвез Фарита с племянницей до самой больницы.

Передав девочку в руки испуганно прибежавших врачей, Фарит устало опустился на жесткую деревянную скамью рядом с приемным покоем и забылся крепким сном. Проснулся оттого, что кто-то легонько тряс его за плечо. За окном уже смеркалось. Фарит вскочил и испуганно уставился на молодого врача.

— Ну как она, доктор?

— Ситуация была критической, но вы успели вовремя, — улыбнулся врач, — Разве ж можно самолечением заниматься? У нас от гриппа каждый год несколько человек умирают, среди них — дети. Но с вашей племянницей все будет в порядке, — поспешил заверить он, увидев вытянувшееся лицо Фарита, — ей вкололи антибиотики, и сейчас она крепко спит. Мы оставим ее в больнице под наблюдением...

— Значит, волноваться не о чем? Кризис миновал? Теперь все с ней будет в порядке?

— Вы еще на ее свадьбе спляшете, — обнадежил с улыбкой доктор.

Вспоминая сейчас тот давний эпизод, Фарит вновь почувствовал себя молодым и полным сил. «Обязательно спляшу», — подумалось ему, и он улыбнулся себе в усы.

— Пойдем, Раиля. Кажется, тот ибليس покинул свой пост. Медленно обходя вокруг шумевшего ресторана, Фарит, как ребенок, припал носом к окну — увидел за ближайшим столиком гордо восседавшего брата. Постучал пальцем по стеклу, привлекая его внимание, широко улыбнулся. Глаза Рифата полезли на лоб от удивления. Он что-то сказал на ухо сидевшей рядом жене и поспешно вышел из зала.

— Видишь, как он рад мне! Бежит навстречу! Я же говорил, что здесь какое-то недоразумение! — радовался Фарит.

— Ты что тут делаешь? — глаза Рифата метали молнии. — Ты зачем пришел туда, куда не звали?

Фарит оторопело уставился на брата, а тот горячо продолжал: «Ты понимаешь, что у меня тут люди? Что они подумают обо мне и о моей дочери? Что мы в родстве с каким-то пьяным забулдыгой? Тут не наливают, ясно? У нас безалкогольная свадьба, так что ищи другое место для развлечений. Кстати, Гузель тоже настаивала, чтобы вас на её празднике не было. Иди сейчас же домой, не позорь меня перед гостями жениха!»

Фарит медленно развернулся и зашагал к машине, тяжело переставляя ставшие пудовыми ноги. А что, в самом деле, случилось? Ничего страшного. Главное, что все живы и здоровы. Из ресторана то и дело раздавались крики «Горько!», вылетали пробки от шампанского и испуганно плакал чей-то грудной ребенок...